

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

Перевод с древнерусского,
статьи, комментарии
Алексея Смирнова

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2007

ББК 84(2Рос=Рус)
С 50

Смирнов А. Е.

С 50 Слово о полку Игореве: Перевод с древнерусского, статьи, комментарии. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 104 с.

ISBN 5-9551-0185-3

Особенность новой переводческой версии «Слова о полку Игореве» состоит в том, что переводчик реализует в ней свою концепцию *аутентичного перевода* — такой интерпретации подлинника, при которой сохраняется как семантика, так возможно более полно и звукопись оригинала. Таким образом, аутентичный перевод, будучи ясным по смыслу современному читателю, позволяет ему услышать музыку подлинника, что чрезвычайно важно, поскольку в поэзии первоуродный звук равнозначен первоуродному смыслу.

Работа сопровождается подробными комментариями трудных мест оригинала; статьями, вводящими в историческую ситуацию древней Руси, в историю открытия памятника, его авторство и датировку, в принципы перевода древнего текста.

Книга предназначена для широкого круга читателей.

ББК 84(2Рос=Рус)

В оформлении обложки использована работа В. А. Фаворского

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-9551-0185-3

© А. Е. Смирнов, 2007
© Языки славянской культуры, 2007

СОДЕРЖАНИЕ

Подступы к памятнику	7
«Слово о полку Игореве» (перевод)	19
Комментарии	55
Круг «Слова»	69
Принципы перевода древнего текста	72
<i>Приложение. «Слово о плъку Игоревѣ...»</i> (древнерусский текст)	85

ПОДСТУПЫ К ПАМЯТНИКУ

1

«Слово о полку (или о походе. — А. С.) Игоре» запечатлело одно из многих скорбных последствий княжеских раздоров, приведших к дроблению Древней Руси.

Согласно завещанию киевского князя Ярослава Мудрого пять его сыновей разделили между собой русские земли. Прощаясь, Ярослав сказал сыновьям: «Вот я отхожу от этого света, дети мои! Любите друг друга, потому что вы братья родные, от одного отца и от одной матери. Если будете жить в любви между собою, то Бог будет с вами. Он покорит вам всех врагов, и будете жить в мире; если же станете ненавидеть друг друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцов и дедов ваших, которую они приобрели трудом своим великим. Так живите же мирно, слушаясь друг друга». А поручив Киев старшему сыну Изяславу, прибавил: «Если кто захочет обидеть брата, то ты помогай обиженному».

При внуке Ярослава Мудрого Владимире Мономахе на Любечском съезде 1097 года обособление княжеских земель как наследственных владений узаконили: «Каждо да держит отчину свою» — «Каждый владеет землею отца». Но разделение привело не к утишению вражды, а к

новым обидам и распрям. Галич, Полоцк, Рязань, Смоленск, Ростов, Новгород — все требуют политической независимости, претендуя и на свое, и на чужое («*Се мое, а то — мое же*»). Каждый — «сам большой». Происходит нечто, получившее в иную эпоху и при других обстоятельствах имя «парада суверенитетов». Личные интересы «вотчинников» побеждают, Русь раскалывается, а с расколом рушится и ее могущество, в том числе — военное.

Этим пользуются западные и южные соседи Руси.

Швеция занята внутренней борьбой и потому до поры угрозы не представляет. Польша и Венгрия, кроме собственных усобиц, отражают притязания чехов и пруссов, хотя Юго-Западная Русь им не безразлична и при случае они готовы вмешаться и пожитья. Достаточно сказать, что поляки дважды захватывают Киев, но вынуждены возвращаться в свои пределы. Немцы теснят новгородцев и кривичей в Ливонии. Литовцы нападают на приграничные русские области. И тем не менее главная опасность исходит с юга, и в интересующий нас момент времени (вторая половина XII века) ее представляют половцы — воинственное степное племя тюркского корня; народ-кочевник, народ-язычник. По слову историка, «Южная Русь была украиною... европейским берегом степи, и берегом низким, не защищенным нисколько природою, следовательно, подверженным частому наплыву кочевых орд...» (С. М. Соловьев). Половцы совершают опустошительные набеги на Русь. Их быстроногая конница не знает преград на степных просторах. Она внезапна и неуловима. Русичи борются с ней ответными вылазками, иногда удачными, часто — нет, потому что трудно князьям договориться о совместных действиях.

Коллизия состоит в том, что распад Киевской Руси был вызван ростом новых культурных центров, их понятным стремлением опериться, усилиться, обрести само-

стоятельность, и это усиление шло через обособление, создание собственных иерархий, преследовало частные цели, а в итоге привело к общему ослаблению русских земель. И как это бывает, когда пространство съёживается, а жизнь мельчает, настает черед беспочвенной кичливости, набухает ложной гордостью язык велеречивых:

И начали князья про малое:
«Се великое», — говорить.

Возможная гибель Руси как восточного оплота славянского мира, погашение очага православия становится реальностью. Половцы и Византию держали в страхе, а тут — распавшаяся Русь...

Киевляне умоляют князей прекратить раздоры: «...не можете погубить Русьские земли. Аще бо взьмете рать межю собою, погании имуть радоватися и возьмутъ землю нашу...». Эту угрозу чувствуют все. Но князья не способны переступить через свою гордыню. Страдания народа множатся. Становится ясным, что причина бед кроется в личностном начале: в молодечестве князей — их честолюбивом стремлении к славе, в их корыстолюбии и жажде власти. Вот почему призыв к единению, к смирению своих амбиций во имя общего дела составляет пафос «Слова», главный его нерв. Когда подвергают сомнению подлинность памятника, относя его написание к более поздним векам вплоть до конца XVIII в., то апологией древности служит, по нашему мнению, не только лингвистический аспект текста, но и потрясающая гражданская страсть автора. Ею может преисполниться лишь свидетель событий. Нельзя ее сымитировать!

Между тем было ведь что-то глубоко подспудное, скрытое от взора, что позволило амбициям князей разгореться так яростно и ярко, что вызвало и подтолкнуло само дробление, что повергло Русь в братоубийственную

пучину... О каком историческом процессе идет речь? Что создало эту гудящую, огненную тягу междуособных браней?

2

Вернемся к началу русской истории — в IX век, когда несколько славянских племен, населявших территорию нынешней Средней и Южной России, не находя выхода из родового, обособленного быта, призывают князя-чужеземца, чтобы тот объединил разрозненные роды в единое целое. Так наши предки сплотились под властью Рюрика. Со временем княжеская семья Рюриковичей разрослась, и внутри нее самой сложились родовые отношения. Они покоились на том, что по смерти великого князя власть переходила не к его старшему сыну, а к старшему в роде удельному князю, который занимал главный стол и становился великим князем. Его перемещение с удельного стола на главный вызывало череду сдвигов, поскольку менялась степень старшинства, говоря нынешним языком, образовывались «новые вакансии» и возникали «новые назначения».

Однако во второй половине XII века — к тому времени, когда назревали события, описанные в «Слове», положение стало складываться по-иному. Южная Русь с ее главным стольным градом Киевом сдает позиции, а Средняя, напротив, набирает силу. Здесь начинают слабеть родовые связи между разными княжескими семьями, субординация нарушается, сильные князья восстают на более слабых, пренебрегая родовыми правами, не считаясь со степенью старшинства. Их цель — усилиться любым путем. Власть должна принадлежать не самому старшему в роде, а самому сильному, даже если он младше. Но старейшины потерпеть такого не могут. Затеваются жесто-

кие междоусобные брани, в которых все средства хороши. И вот уже одни русские князья, когда им это выгодно, предают других русских князей, вступая в союзы с иноземцами, — поляками ли на Западе, половцами ли на Юге, — и вместе разоряют Русь в беспощадных сечах. Автору «Слова» — современнику этих бесчинств неволею их видеть, они ранят его сердце, терзают разум, и только умудренный опытом будущих столетий историк заметит, что «через ослабление родовой связи между княжескими линиями, через их отчуждение друг от друга и через видимое нарушение единства Русской земли готовится путь к ее собиранию, сосредоточению, сплочению частей около одного центра, под властью одного государя» — сильнейшего князя в богатейшей вотчине; что «естественная нить событий» состоит в постепенном переходе «родовых княжеских отношений в государственные» (С. М. Соловьев). Значит, на исходе XII века намечился путь от родового к государственному переустройству русской жизни; путь, завершившийся возвышением Московского княжества, когда в правлении Иоанна IV Московский великий князь получает титул царя, а удельные князья становятся его безусловными подданными. Но до этого нужно было еще дожить. И «дожить» пятьсот лет, перетерпев татаро-монгол. Мы не знаем, был или не был автор «Слова» свидетелем нового страшного бедствия, постигшего Русь — нашествия орд Батыея (1236), зато на глазах песнопевца творились все те беззакония, которыми полнилась смена «родового» уклада жизни на никому тогда не ведомый «государственный». Как сказано у поэта:

Чреду веков питает новость,
Но золотой ее пирог,
Пока преданье варит соус,
Встает нам горла поперек.

Таков исторический фон. На нем и разворачивается волнующая нас тема — поход Новгород-Северского князя Игоря Святославича против половцев.

3

Особенность «Слова» — в его историзме. Здесь все подлинно: и события, и сопровождающие их явления природы, и действующие лица, и лица не действующие, но упоминаемые в контексте повествования. Памятник не противоречит летописям. Может быть, те более подробны и точны в деталях, однако ничто не сравнится с ним глубиной и яркостью художественного постижения событий, вживанием в них.

Кем же приходился главным князьям древней русской истории некто Игорь — герой «Слова», небольшой удельный господин, владевший Новгород-Северским — городком на Десне, неподалеку от Чернигова?

Игорь был прямым потомком Рюрика в IX колене.

Если из разветвленного генеалогического древа Рюриковичей выделить Игорев «ствол» — прямую отцовскую линию, то, говоря библейским слогом, ее можно представить так:

Рюрик родил Игоря (Рюриковича).

Игорь родил Святослава.

Святослав родил Владимира, крестившего Русь.

Владимир родил Ярослава, прозванного Мудрым.

Ярослав родил Святослава II.

Святослав II родил Олега — князя Черниговского и Тмутороканского, прозванного в «Слове» Гориславичем.

Олег родил Святослава Черниговского.

Святослав Черниговский родил Игоря Новгород-Северского.

Игорь родил трех сыновей: Владимира Путивльского, Олега Игоревича и Святослава Игоревича.

Одна из многих трудностей в восприятии «Слова» связана с именами действующих лиц. Чтобы вполне понимать текст, надо знать, кто есть кто. Дополнительная сложность состоит в том, что одно и то же имя часто носили разные люди, жившие в разные времена. Скажем, в нашем перечне упоминаются четыре Святослава. Их легко различить, когда имеешь дело с древом, и совсем не просто, когда перед тобой художественный текст восьмисотлетней давности, автор которого ориентирован на читателя ему современного, то есть предполагает, что тому всегда ясно, о ком идет речь. Между тем не всякий, взявший в руки «Слово» сегодня, отважится разбираться в генеалогических тонкостях княжеских родов. Поэтому предварять древний текст и его перевод ветвящимся древом имен едва ли имеет смысл. Необходимые связи будут установлены в «Комментариях», следующих за переводом. А вот снова выделить Игорев династический «ствол» («кто кого родил»), но в иной записи, можно уже сейчас.

Предлагаем поколенную роспись прямых предков Игоря по отцовской линии и его ближайших потомков. Арабскими цифрами перед косой чертой указан общепринятый порядковый номер князя, а после косой черты — номер его отца. Начиная с Владимира I, все нижеследующие князья действуют или упоминаются в «Слове».

Древо Игоревое

I колено	1	Рюрик, ум. 869
II колено	2/1	Игорь, ум. 945
III колено	3/2	Святослав, ум. 972
IV колено	4/3	Владимир I, ум. 1015
V колено	5/4	Ярослав I Мудрый, ум. 1054
VI колено	9/5	Святослав II, ум. 1076
VII колено	17/9	Олег Черниговский и Тмутороканский, ум. 1115

VIII колено	24/17	Святослав Черниговский, ум. 1164
IX колено	34/24	Игорь Новгород-Северский, 1151—1202
X колено	44/34	Владимир Путивльский, 1173—1212
	45/34	Олег, р. 1174
	46/34	Святослав, р. 1176

4

А вот канва похода князя Игоря, запечатленная в летописях.

23 апреля 1185 года Игорь, его сын Владимир и племянник Святослав с дружиною выступают в поход на половцев, не предупредив об этом «старшего» киевского князя Святослава, то есть «без разрешения». Самовольность поступка вызвана не только личной храбростью Игоря, не только его желанием отвоевать у половцев потерянный город Тмуторокань на Сурожском (Азовском) море, но и неудовлетворенным честолюбием воина. Незадолго до того Святослав совершил удачный поход на половцев, а Игорь к битве опоздал. Как ни торопился он поспеть, но кони Игорево́й дружины скользили на гололеде, и время было упущено. (Легко заметить, что этот гололед и послужит в скором будущем первопричиной случившихся с Игорем и его дружиной несчастий.)

По пути к войску присоединяется брат Игоря Всеволод.

1 мая у Днца дружину застигает солнечное затмение — по поверью, предвестье несчастья, но Игорь пренебрегает небесным знамением. Он рассчитывает застать половцев врасплох, однако те начеку и готовы к бою. Разведчики («сторожа») советуют князю вернуться, на что Игорь отвечает отказом: «Сором ны будет пуще смерти». — «Срам будем нам пуще смерти».

Два войска движутся навстречу друг другу. Неведомый автор «Слова» показывает нам то русских, то половцев, как будто предвосхищая параллельный киномонтаж.

Рати сходятся, закипает бой, и поначалу берут верх русичи. Степь бежит, бросая стяги, дровки, хоругви; *красных девок половецких*; все богатства своих кочевых телег...

Лаврентьевская летопись сообщает, что после этого торжества победители три дня веселились и предавались похвальбе, как они пойдут за Дон, дойдут до Лукоморья (Азовского моря) и «до конца изобьют поганых» (язычников).

Согласно же Ипатьевской летописи, язычники не дали христианам попить и одного дня. Они окружили игореву дружину такою силою, как будто русское войско собрало против себя в кольцо «всю половецкую землю».

Тогда и началась настоящая битва. Она длилась без малого трое суток. Русичи сражались отчаянно, но — сила солому ломит, а силы были слишком неравные. Мы увидим, как автор «Слова», будто птица, мечется над полем битвы, душою летит на все стороны света — зовет русских князей помочь Игорю, снова возвращается к полю брани. Зов его не услышан. Гибнет дружина. Раненый Игорь попадает в плен. После долгого пленения он бежит. Киев встречает его как героя у «святой Богородице Пирогощей».

Таков «сюжет».

5

Событийная острота происшедшего очевидна. Авторский пафос более чем понятен. Переключка с нашим временем пронзительна. Переживаемые нами ныне — в начале XXI века — горькие чувства схожи с теми, что ис-